

УДК 130.2:8(470.345)

ПРОБЛЕМА ЭСТЕТИЧЕСКОЙ ЦЕННОСТИ В ТВОРЧЕСТВЕ А.А. РИЧАРДСА И М.М. БАХТИНА

¹Клюева И.В., ²Гринцова О.В.

¹ФГБОУ ВПО «Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва»,
Саранск, e-mail: klyueva_irina@mail.ru;

²ФГБОУ ВПО «Пензенский государственный университет архитектуры и строительства»,
Пенза, e-mail: grintsova_olga@mail.ru

В статье рассматривается своеобразный диалог об эстетической ценности, представленный концепциями двух влиятельных представителей гуманитарной науки XX в. – основоположника семантического направления в англо-американской эстетике и литературной критике А.А. Ричардса (1893–1979) и российско-го мыслителя – философа, культуролога, филолога М.М. Бахтина (1895–1975). Доказывается, что Ричардс, глубоко разработавший проблему деятельности субъекта в процессе восприятия эстетической ценности, преувеличил его роль, лишив эстетическую ценность объективного значения. Согласно Бахтину, эстетическая ценность – это результат взаимодействия субъекта и объекта.

Ключевые слова: эстетическая ценность, эстетическое восприятие, М.М. Бахтин, А.А. Ричардс

THE PROBLEM OF AESTHETIC VALUE IN THE WORKS BY I.A. RICHARDS AND M.M. BAKHTIN

¹Klyueva I.V., ²Grintsova O.V.

¹Ogarev Mordovia State University, Saransk, e-mail: klyueva_irina@mail.ru;

²Penza State University of Architecture and Construction, Penza, e-mail: grintsova_olga@mail.ru

The article deals with a kind of dialogue about the aesthetic value represented by the concepts of two influential members of the humanities in the twentieth century – the renowned representative of the semantic trends in Anglo-American aesthetics and literary criticism I.A. Richards (1893–1979) and the Russian thinker – philosopher, culture, philologist M.M. Bakhtin (1895–1975). It is proved that I.A. Richards, who deeply developed the problem of subject's activity in the process of perception aesthetic value, exaggerated the role of subject and thus deprived aesthetic value of objective meaning. According to M.M. Bakhtin, aesthetic value reveals to be a result of interaction between subject and object.

Keywords: aesthetic value, aesthetic perception, M.M. Bakhtin, I.A. Richards

Одно из важных мест в структуре культуры и соответственно в процессе гуманизации и гуманитаризации образования занимает эстетическая ценность [см.: 3]. В настоящей публикации мы рассматриваем своеобразный «диалог» об эстетической ценности, представленный концепциями основоположника семантического направления в англо-американской эстетике и литературной критике Айвора Армстронга Ричардса (1893–1979) и российского мыслителя – философа, теоретика культуры, филолога Михаила Михайловича Бахтина (1895–1975).

Ричардс и Бахтин были современниками-ровесниками, прошли долгий жизненный путь и вошли в число наиболее влиятельных во всем мире представителей гуманитарной науки XX в. Интересы обоих не ограничивались какой-либо одной областью гуманитарного знания: Бахтин уделяя главное внимание проблемам теории культуры и философии, обращался, как и Ричардс, к проблемам лингвистики и литературоведения, Ричардс пристальное занимался проблемами психологии. Обоих практически с самого начала творческого

пути чрезвычайно занимала проблема соотношения реального мира и мира художественного произведения [см.: 5], и оба пришли к выводу, что эти миры устроены по одним и тем же законам.

Важное место в творчестве как Бахтина, так и Ричардса занимали проблемы эстетики. (Следует отметить, что Первые Саранские Бахтинские чтения, состоявшиеся в 1989 г., были полностью посвящены эстетической проблематике в трудах Бахтина [см.: 7], немалое место занимала эта проблематика и на Вторых Саранских Бахтинских чтениях [см.: 6]).

Ричардс (совместно с Ч. Огденом) заложил основы семантической эстетики и эстетики эмотивизма. Его учение явилось методологической основой такого влиятельного направления в западном литературоведении, как «новая критика» (New Criticism).

Именно Ричардс является основоположником учения о синестезии [см.: 4] – одним из ключевых понятий современной эстетики, определяющей ее следующим образом: «...В гносеологическом плане, будучи межчувственной ассоциацией, т.е. системным признаком человеческой чувственности,

синестезия отражает целостные свойства самой действительности. Способность к синэстезии относится к проявлению существенных сил человека, культивируемым в сфере его социальной практики – прежде всего в искусстве. Способствуя освоению в конкретно-чувственной форме закодированного в объекте восприятия значения, синестезия представляет собой неотъемлемый компонент художественного мышления» [2]. Данная трактовка термина отлична от того значения, которое вкладывал в него Ричардс. Синестезия Ричардса объективно ведет свою родословную от «эмпатии» или «вчувствования» в том значении, в котором использовала эти термины так называемая экспрессивная эстетика, и прежде всего – «теория вчувствования» в лице ее представителей – Р. Фишера, Т. Фишера, Т. Липпса, В. Вундта и др.

Синестезия Ричардса – более проработанный, усложненный, дополненный, учитывающий наибольшее количество психологических деталей вариант «эмпатии». В экспрессивной эстетике эстетическое отношение рассматривалось как перенесение переживаний субъекта (понимаемого как персонализированный индивид) на воспринимаемые им образы, предметы. Согласно Липпсу, эстетическая ценность возникает в тех чувственных образах, в которых человек находит самого себя.

Бахтин, анализируя сущность экспрессивной эстетики, формулирует этот принцип следующим образом: «Эстетическая ценность осуществляется в момент пребывания созерцателя внутри созерцаемого объекта; в момент переживания его жизни изнутри его самого в пределе созерцаемое и созерцатель совпадают. Эстетический объект является субъектом собственной жизни, и вот в плане этой внутренней жизни объекта как субъекта осуществляется эстетическая ценность, в плане одного сознания, в плане сопереживаемого субъекта, в категории я» [1, с. 62]. Таким образом, «теория вчувствования» приводит к утверждению необходимости замены традиционных эстетических категорий – прекрасного, возвышенного, трагического, комического – новыми, использовавшимися прежде лишь в психологии, социологии. Красота, например, утратившая устойчивые признаки и объективные критерии, заменяется понятием «выражение», «экспрессия».

Синэстезия Ричардса приходит на смену «вчувствованию» или «эмпатии», охватывая большее число психологических компонентов. Слово прекрасное», замечает Ричардс, синтаксически употребляется как определение, и поэтому вызывает мысль о каком-то

свойстве предмета. Однако никакого свойства это слово не выражает. Красота – не в объекте, а в опыте субъекта. Красота – это синэстезия. эстетический модус мира – это не скрытое качество, а модус его рассмотрения [9, с. 8–12].

Ричардс считает, что невозможно верно понять природу эстетической ценности, не избавившись от главного заблуждения: «Мы привыкли говорить, что картина прекрасна, вместо того, чтобы сказать: она является причиной, вызывающей в нас опыт, так или иначе представляющий для нас ценность» [9, с. 15].

Согласно Ричардсу, эстетический опыт есть высший, наиболее организованный, гармоничный вид ценностного опыта. Именно такую ценность дает синэстезия, которая основана на реакциях субъекта на непосредственный стимул, и при этом активизирует память, т.е. накопленный опыт. Своей полноты синэстезия достигает в искусстве, представляющем собой «конденсаторы ценностей». Именно в художественном творчестве и восприятии соединяются прошлое, настоящее и будущее.

Утверждая, вслед за сторонниками теории «эмпатии», что красота является проекцией чувств, Ричардс, однако, сумел продвинуться дальше представителей «теории вчувствования». Как отмечает В.В. Прозерский, он «решил прояснить картину, распределить чувство и вернуть его человеку, показав несоответствие реальной ситуации протекания эстетического опыта той, которая отражается в языке в виде псевдологического суждения об эстетических качествах предмета» [8, с. 100]. Эстетика Ричардса в значительной степени психологизирована, и красота, эстетическая ценность предстают в ней как психологический эффект. По существу, Ричардс, как и представители «теории вчувствования», не показывает специфики эстетической ценности, специфики эстетического.

Критика Бахтиным «теории вчувствования» и в целом экспрессивной эстетики позволяет увидеть некоторую ограниченность концепции эстетической ценности Ричардса. Субъективизируя эстетическую ценность, экспрессивная эстетика и Ричардс не объясняют целое художественного произведения, они недооценивают относительно самостоятельное значение его структуры. Английский ученый блестяще и глубоко разработал проблему деятельности субъекта в процессе восприятия эстетической ценности, однако преувеличил его роль, нарушив равновесие субъекта и объекта, т.е. лишил эстетическую ценность объективного значения.

Одним из основополагающих принципов в трактовке эстетической ценности Бахтиным является осознание им того, что в ней пересекаются субъект-объектные отношения причем, во всей их «слошности», включая межсубъектные и межобъектные отношения). Эстетическая ценность, по Бахтину, – результат взаимодействия, «спаянности», «сплетенности» внутренних и внешних факторов, субъекта и объекта – «души» и «прекрасной данности мира» – взаимодействия, при котором происходит преобразование объективного мира (материала) и одновременно трансформации переживаний, эмоций. Эстетическое сознание, для которого неотъемлемым является ценностное отношение, по Бахтину, отличается диалогичностью: «...в эстетическом сознании мы имеем встречу двух сознаний, принципиально неслиянных» [1, с. 85].

Понятия вчувствования, вживания, эмпатии отнюдь не игнорируются Бахтиным, они важны для него, однако ученый подчеркивает, что явление, им обозначаемое, – это лишь «первый момент эстетической деятельности», лишь необходимая предпосылка к ее осуществлению. «Чистый момент вживания или вчувствования является по существу внеэстетическим» [1, с. 63]. Необходимое условие собственно эстетического восприятия – дистанцирование воспринимающего субъекта: «Изнутри жизнь не трагична, не комична, не прекрасна, не возвышенна» [1, с. 62].

Эстетическая ценность, по Бахтину, не может осуществиться в плане одного сознания, в плане сопереживающего субъекта, в категории «Я», как утверждали представители «теории вчувствования», она возникает лишь через корреляцию образных категорий «я» и «другого». Внезаходимость, согласно Бахтину, – обязательное условие эстетического ценностного отношения, трансформации человеческих чувств, переживаний в собственно эстетические: «...лишь поскольку я выступаю за пределы переживающей жизнь души, займу твердую

позицию вне ее, облеку ее во внешне значимую плоть, ...ее жизнь загорится для меня трагическим светом, примет комическое выражение, станет прекрасной и возвышенной» [1, с. 62].

Бахтинская идея «внезаходимости» позволяет выявить специфику эстетической ценности, эстетического. Тем не менее, не следует забывать, что в вызревании этой идеи сыграла свою роль и «теория вчувствования». В известном смысле можно сказать, что Бахтин и Ричардс многое почерпнули из одного и того же источника, что позволило им, каждому по-своему, развить и продолжить некоторые из идей «теории вчувствования», оттолкнувшись от них, обогатить эстетическую науку. Для плодотворной работы над проблемой эстетической ценности современным исследователям окажется необходимым и полезен опыт как Бахтина, так и Ричардса.

Список литературы

1. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1986. – 444 с.
2. Галеев Б.М. Синэстезия // Эстетика: словарь. – М.: Политиздат, 1989. – С. 314–315.
3. Гринцова О.В., Клюева И.В. Роль художественно-эстетических ценностей в процессе гуманизации и гуманитаризации высшего технического образования // Компьютеризация обучения и проблемы гуманизации образования в техническом вузе: материалы междунар. научно-методич. конф. – Пенза: ПГАСА, 2003. – С. 376–378.
4. Клюева И.В. Синэстезия как ценностное отношение // Современный Лаокоон: Эстетические проблемы синэстезии. – М.: Изд-во МГУ, 1992. – С. 18–19.
5. Клюева И.В. «Скульптурная тема» в творческом сознании М.М. Бахтина // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2014. – № 5–1 (43). – С. 103–105.
6. Клюева И.В., Лисунова Л.М. Диалоги с мыслителем (Бахтинские чтения в Саранске) // Вестник Мордовского университета. – 1991. – № 2. – С. 9–11.
7. Клюева И.В., Лисунова Л.М. Первые саранские Бахтинские чтения // Философские науки. – 1990. – № 5. – С. 131–132.
8. Прозерский В.В. Критический очерк эстетики эмотивизма. – М.: Искусство, 1983. – 175 с.
9. Richards I.A. Principles of Literary Criticism. – L.: Routledge, 2003. – 296 p.